

Второй том серии посвящен рассмотрению двух семантических категорий, которые исключительно важны для функционирования грамматической категории предикативности, — категорий темпоральности и модальности.

Темпоральность (соответствующая глава в томе [2] написана А.В. Бондарко) понимается как “семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета” [2, с. 5]. Специфика темпоральности проявляется в сравнении с аспектуальностью: «Если аспектуальность представляет собой “внутреннее время” действия ... т.е. внутреннюю характеристику протекания и распределения действия во времени, то темпоральность — это “внешнее время” с явной дейктической характеристикой» [2, с. 5].

Для смыслового структурирования ФСП темпоральности важны следующие разграничения: актуальность/неактуальность ориентации на момент речи; абсолютное/относительное время действия (при этом относительное время трактуется как более узкое понятие по сравнению с таксисом [2, с. 18]; определенно-фиксированная и неопределенно-фиксированная временная ориентация и некоторые другие.

Грамматический центр ФСП темпоральности составляют временные формы изъявительного наклонения действительного залога; “ближнюю периферию” ФСП образуют аналитические причастные формы типа *был построен, будет рассмотрен*, формы полных причастий (*рассматривавший, рассматриваемый* и т.п.), глагольные дериваты типа *говаривал*, безглагольные конструкции со значением настоящего времени (*Брат — учитель; Ночь тиха; Ночь; Тишина* и т.п.) [2, с. 44–48]. К “дальней периферии” этого поля относятся грамматические формы и языковые выражения с ограниченной темпоральной значимостью, основная семантическая функция которых связана с выражением не собственно темпоральных, а таксисных или модальных значений: деепричастия в составе деепричастных конструкций; синтаксические конструкции с модальным значением и имплицированной футуральной перспективой (*Уйдите!; Отдохнуть бы; Помочь тебе? и др.*); лексические показатели времени типа *сейчас, завтра, давно*; сложные синтаксические конструкции с временными союзами и ряд других. В связи с характеристикой центральных в данном поле временных глагольных форм особенно детально рассматривается план настоящего и семантика форм настоящего времени (см. разделы “Временной дейксис и вопрос о значении формы настоящего времени” и “К анализу аспектуально-темпоральных отношений: актуальное настоящее время и совершенный вид”).

Большую часть тома [2] занимает глава II, которая посвящена рассмотрению проблем организации комплекса актуализационных категорий, объединяемых в рамках семантической сферы модальности, и анализу группировки соответствующих ФСП. Соотношение категорий, принадлежащих сфере модальности, и основные типы модальных значений рассмотрены во вступительных параграфах к главе, написанных А.В. Бондарко [2, с. 59–67], Л.А. Бирюлиным и Е.Е. Корди [2, с. 67–72].

В начальных разделах данной главы рассмотрена структура и особенности языковой репрезентации основных модальных категорий. А.В. Бондарко обсуждает проблемы противопоставления реальности/ирреальности и потенциальности, поднимая затем на примере императивных ситуаций вопрос о принципах анализа категориальных ситуаций в сфере модальности [2, с. 72–89]. Г.Г. Сильниким рассмотрено общее соотношение функционально-коммуникативных типов наклонений: “волитивных” (императива и оптатива) и “когнитивных” (индикатива и суппозитива) в связи с решением вопроса об их темпоральных характеристиках [2, с. 90–110]. Связь языковых показателей модальных и аспектуальных значений при выражении “внутрисинтаксической”, побудительно-повелительной и побудительно-желательной, а также оценочной модальности изучена М.А. Шелякиным [2, с. 110–123].

Основное содержание главы составляет конкретный анализ модальных полей. Поля возможности и необходимости (в рамках семантической сферы потенциальности) и соответствующие типы категориальных ситуаций представлены в разделах, написанных Е.И. Беляевой и С.Н. Цейтлин [2, с. 123–156]. Е.И. Беляева рассматривает также характеристики модального ФСП достоверности [2, с. 157–170], Е.И. Корди характеризует поле оптативности [2, с. 170–185], а В.С. Храковский детально характеризует поле повелительности [2, с. 185–238]. В конце главы Л.А. Бирюлин соотносит императивные высказывания с теорией речевых актов и предлагает перечень всех логически возможных отношений между участниками речевого и прескриптивного планов названных высказываний [2, с. 238–243].

Уже перечень затронутых проблем убеждает в многоплановости и всесторонности предлагаемого в [2] описания функционирования средств выражения модальности. В то же время очевидна и известная повторяемость обсуждения с разных позиций одних и тех же или весьма близких проблем, например семантики и функционирования императива или оптатива, в разных разделах данной главы, написанных различными авторами; это несколько усложняет в композиционном отношении главу, посвященную сфере модальности.